

Шагинян М.
100 лет со дня рождения

2/11 88

ИЗВЕСТИЯ - 1988 - 2 септ

К 100-летию Мариэтты Шагинян

ЧЕЛОВЕК И ВРЕМЯ

«ОТ ЕДИНСТВЕННОЙ в мире прабабушки - спецкора», — эти шуточные слова написала Мариэтта Сергеевна Шагинян в книге, врученной мне — в знак давней дружбы — в канун своего девяностолетия. Наверное, нет ни одного известца старшего поколения, кто бы не хранил дома томик, подаренный писательницей. Ведь с далекой и суровой петроградской осени двадцатого года и до последней жизненной черты Мариэтта Шагинян была связана с газетой, с мандатом «Известий» исколесила она много дорог и дома, и за рубежом.

Вот одна из записок, присланных в редакцию:

«Я только сейчас приехала из Бухары, а послезавтра уезжаю в Ленинград. Могу что-либо написать лишь по возвращении из Ленинграда, так как должна за эти полтора дня принять 17 печатных листов корректуры и исправить огромную стенограмму моего выступления...»

Или письмо из Ялты:

«Я как будто поправляюсь... Сейчас кое-как написала 4 очерка по Голландии и 2 по Англии. Осталось написать 4 очерка по Англии и тогда я буду абсолютно (верней, относительно, т. к. есть одна работишка) свободна, буду гулять, на море глядеть, даже песни петь. Так что если Вы захотите всерьез в «Известиях» издать книжечку, то надо издать ее всю, под заглавием: «На «Волге» по Франции. Голландия. Англия».

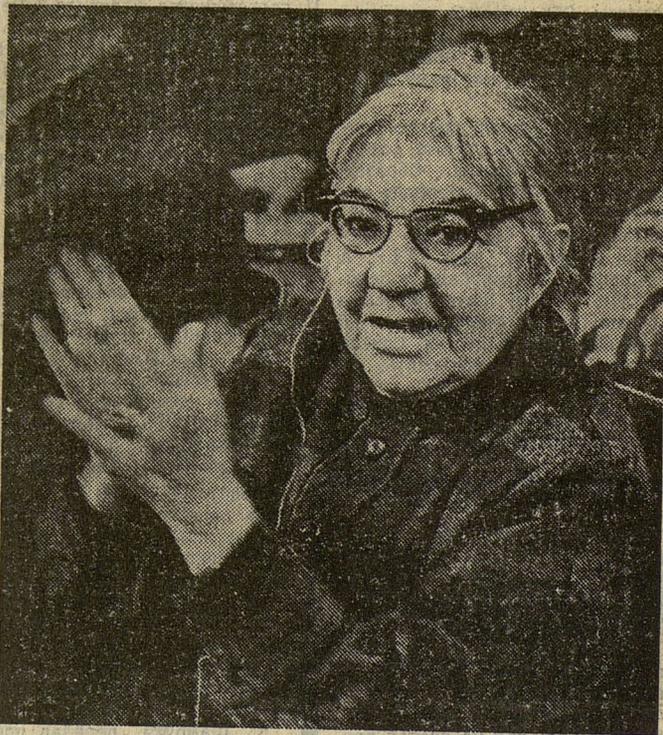
Такой она была — неутомимая, взрывная, вездесущая, готовая тут же, немедленно, отправиться в путь, навстречу жизни.

Мы, известицы, привыкли к тому, что она, маленькая, сидя в пальто нараспашку, с потрепанной сумкой подмышкой, быстро преодолев без лифта шесть этажей, появлялась в секретариате, включала слуховой аппарат и, блестя сквозь стекла очков необыкновенно живыми, умными и пронзительными глазами, требовательно говорила:

— Я принесла отличный очерк, его надо немедленно ставить в номер. Да, только в номер, а то я сейчас же иду в «Литературку». Там с руками отвратят...

Спорить было бесполезно, и нередко, услышав пронесшуюся по коридорам весть: «Мариэтта пришла», — кое-кто из ведущих номер скрывался, дабы не брать на себя долю ответственности. Она была остра, нелюдима, авторитетов не признавала, и в память очезидцев врезались ее прилюдные споры с сильными мира сего...

Но каждое выступление Мариэтты Шагинян в газете: будь то статьи о заводах «Фиат», рецензия на симфонию Дмитрия Шостаковича, зарубежные письма, — если и вызвали глухое неудовольствие начальства (а такое случалось не раз), имели огромный отклик среди читателей.

М. С. Шагинян в редакции «Известий».

Фото В. Ахломса.

Даже малую правку она не сдавала без боя, а то и просто без скандала, и однажды, придя прямо в типографию, призвала рабочих рассыпать набор, но не допускать своеволия редакторов или кого-то там, повыше... С ней было трудно, но необыкновенно интересно работать.

Известицы любили неутомимую Мариэтту, гордились тем, что она — спецкор, дружно откликаясь на ее приглашения отметить очередной юбилей — семьдесят, восемьдесят, девяносто лет, и считали ее вечной. Она и в самом деле перешла девяностолетний рубеж, оставаясь в строю. Победила глухоту, навалившуюся безмерной тяжестью, а в последние годы и слепоту, подступившую в разгар работы над замечательной мудрой книгой воспоминаний «Человек и время». Привыкшая к ежедневному самоистязанию труду, она все-таки приоровилась к окулярам — сооружению, похожему на бинокль, приставленный к очкам, — и только вместо бисерного, четкого почерка (всю жизнь она писала ученическим пером, терпеть не могла машинки) буквы укупались и чуть разъезжались по краям. Всю жизнь читала она на ночь зарубежные детективы, свободно владела английским, французским, немецким, итальянским, польским, чешским языками, а когда зрение стало падать, перешла на детгизовские сказки Андерсена. «Шрифт крупный, — говорила она, — а мысли — мудрые». Только последнюю неделю жизни она не вела дневников, ничего не писала. Перо выпало из рук, и она умерла.

Постоянное движение, непрерывная работа мысли, неуемная страсть ученого-энциклопедиста давали ей необыкновенные жизненные силы.

Когда-то Мариэтта Шагинян написала: «Самое незабвенное, чем одаряет вас жизнь на колесах, — это мудрость самого движения. Как нигде и никогда начинаешь понимать, что жить — это значит двигаться, потому что долго стоять — в вагоне, на запасных путях — значит медленно идти на убыль, разлагать и убивать свой быт, терять свою жизнь... Стоять — это застой, жить — это двигаться, двигаться...»

Александр Фадеев, преклоняясь перед ее энциклопедическими знаниями, как-то позвонил по телефону и попросил хорошую цитату для доклада: «Что-нибудь из поэзии, похлестче, для братьев-писателей». И она тотчас нашла цитату из Низами Гянджеви, горячо любимого ею:

Царапай хоть лист, но
безделье гони,
Не пишешь, так перья
чужие чини.

В ЭТИ ДНИ Герою Социалистического Труда, лауреату Ленинской премии Мариэтте Сергеевне Шагинян исполнилось бы сто лет. Огромно ее литературное и научное наследие, оставленное нам. Долгая и страстная, неравнодушная жизнь писательницы, ее творчество, посвященное революционному преобразованию мира, вобрало в себя столь, казалось бы, неохватные темы, что диву даешься, как много событий и встреч выпало

на ее долю. В жизни и творчестве писательницы отражена переломная эпоха, встречи с Александром Блоком, Сергеем Рахманиновым и Максимом Горьким, переписка с Роменом Ролланом и настоятелем Кентерберийского собора Хьюлеттом Джонсоном, многолетняя дружба с Дмитрием Шостаковичем и Михаилом Зощенко... Неподверженные напору жесткой официальной линии, фундаментальные исследования творчества Гете, Швеченко, Гегеля, Яна Амоса Коменского, Чернышевского, Уильяма Блейка... Так случилось, что Мариэтте Шагинян суждено было стать автором первого советского детектива «Месс-Менд, или Янки в Петрограде» и первого индустриального, новаторского романа «Гидроцентральный», который сочинился благодаря командировке от редакции «Известий». Когда началась война, она написала книгу «Урал в обороне». В годы войны она вступила в партию. Рекомендации ей дали Павел Бажов и Федор Гладков.

После войны Мариэтта Шагинян объездила полстраны, писала о керченской селедке и прибалтийском янтаре, о рабочих Ленинграда и учителях-подвижниках, путешествовала по Швейцарии, Франции, Италии и Англии...

Удивительна ее книга — повесть об одном исследовании «Воскрешение из мертвых», что помогла вернуть из небытия творчество чешского композитора XVIII века Йозефа Мылзичека. Она откликнулась на программы «веселой серьезности» Леонида Утесова и Аркадия Райкина, восхищалась талантом Евгения Нестеренко, как истинная интернационалистка приветствовала яркое вошествование в литературу Расула Гамзатова, Давида Кугультинова и Чингиза Айтматова. Писательница не была сторонним наблюдателем, она сражалась. За талант, за прорыв новизны, за ростки будущего...

Символично: в эти дни многие редакции считают Мариэтту Шагинян своим автором. И считают по праву. Ее слово страстно звучало со страниц «Правды» и многих других газет. Творчество писателя принадлежит времени, всем нам, и этим многое сказано.

Несчетное число раз бывал я у Мариэтты Сергеевны на московской квартире по Аэропортовской улице и на даче в Переделкине, я видел, что она никогда не расставалась с Лениным. В последний ее день рождения, когда по-левитановски голубели снега в Подмоскovie, она взяла со стола «Государство и революция».

— Это моя любимая книга. Я знаю ее почти наизусть.

«Лениниана» была главным трудом писательницы. Не одно десятилетие она посвятила тетралогии «Семья Ульяновых» и счастьем для себя считала об-

щение с Надеждой Константиновной Крупской, Марией Ильиничной и Дмитрием Ильичем Ульяновыми. Самозабвенно трудилась она над очерками и статьями, посвященными Ленину. Кредо работы над сложнейшей и благотворной темой она сформулировала емко:

«Каждое написанное слово должно быть пережитым словом, и каждая написанная книга — пережитой книгой. Это значит, что географические пространства должны быть исхожены вашими ногами; пейзажи увиденны вашими глазами, беседы и события пропущены через ваше сердце, и в создании книги участвовали бы весь вы, как человек с вашим мышлением, чувством, мускулами, сердечной, физической, умственной энергией. А не только пальцы, держащие пишущую ручку». Она читала и перечитывала Ленина из года в год, находя все новое и новое, и чувствовала, что только учится понимать его, наслаждаться им, делая для себя нравственные, философские, жизненные открытия.

На пороге нашего века, двенадцатилетней девочкой, которая отправилась с отцом на поезд и волею судьбы оказалась вместе с пассажирами на заснеженной маленькой станции, слушала она речь учителя. Ей говорили в вагоне:

— Не каждому в жизни доводится встретить новый век. Ты запомни, как с ним встретишься, — на ходу, в снегу, на дороге...

И она записала в тетрадке слова учителя:

— Желаю новому веку, чтобы пришел к нам в облики человеческого и научил, как правильно жить!

За жизнь у Мариэтты Сергеевны Шагинян собралось более 70 тетрадей, в которых она вела дневники. День за днем. Так же, как и в ее книгах, в дневниковых записях отразились бурный двадцатый век, рождение новой эпохи, хитросплетения судеб и слом устоев, революционный энтузиазм масс и трагические полосы, все противоречия, заблуждения и победы, которыми был этот век заполнен.

Я вспоминаю маленькую, седую Мариэтту Сергеевну, в распахнутом пальто, без лифта спешит она на шестой этаж, чтобы немедленно вручить редакции свое творение, частицу бистротекующего движения жизни. Той большой жизни, которую она прошла с неиссякаемым азартом молодости, — от первого газетного фельетона, напечатанного еще в 1903 году, до последней книги «Столетие лежит на ладони», под обложкой которой была собрана публицистика, написанная Мариэттой Шагинян уже после ее девяностолетнего юбилея...

Дмитрий МАМЛЕЕВ.